

"Шрам! Помоги мне!"

Впервые в жизни гордое лицо Муфасы было омрачено неподдельным ужасом, его глаза расширились от страха не за свою семью или подданных, а за собственную неприглядную жизнь.

Его когти волочились по склону скалы, когда он тщетно искал опору на неумолимом камне. Первобытный ужас овладевал им и наполнял его тело отчаянным животным неистовством, как и у любого другого зверя.

Подобные зрелища наводили Шрама на размышления.

Видите ли, не всегда Шрам был там, наверху, величественно позируя на краю утеса и глядя вниз на своего бедного угнетенного старшего брата.

На самом деле до недавнего времени можно было сказать, что все было как раз наоборот!

Казалось, это было почти как вчера, когда Муфаса так великодушно объяснял ему, каким образом его врожденное превосходство, благосклонность их родителей и божественное происхождение оправдывают его абсолютную власть над всеми живыми существами, включая самого Шрама.

"Брат, помоги мне! Я соскальзываю!"

На самом деле с того момента прошло ровно четыре дня, три часа и сорок шесть минут.

Шрам не утруждал себя подсчетом секунд, потому что был львом с большой буквы.

"Шрам! Я хочу сообщить тебе, что Его Королевское Высочество уже в пути, так что тебе лучше быть наготове!"

"В чем дело, Зазу?", - Шрам сонно поднял голову с прохладного каменного ложа, которое брат так любезно предоставил ему. "Если только пещера не собирается обрушиться на меня, я ничего не хочу слышать об этом до обеда".

Он зевнул и вяло потянулся, а затем хищно ухмыльнулся красноклювой птице-носорогу.

"Или мой брат прислал тебя сюда, чтобы ты послужил мне блюдом?"

Шрам искренне не понимал, чем на этот раз вызвал недовольство Муфасы. Он вел себя хорошо, даже пришел на представление Симбы, когда тот родился.

Хотя у него не было выбора: даже если весь континент собрался здесь, чтобы отпраздновать его новую неважность, он вряд ли мог позволить себе нажать еще больше врагов, чем у него уже было.

"Ха, нет", - Зазу с сухим весельем клацнул клювом.

При всем том, что королевский мажордом был выскочкой, он обладал хотя бы толикой юмора, чего нельзя было сказать об остальных.

"Его величество желает обсудить с тобой твои недавние проступки. Я взял на себя смелость вычеркнуть из списка все твои дела на ближайшие несколько дней. Желаете их выслушать, или мы ограничимся лишь основными моментами?"

"Достаточно, Зазу", - раздался голос Муфасы.

Между ними промелькнула тень, и в пещеру вошел силуэт, мускулистая фигура и малиновая грива которого золотились в свете, льющемся снаружи.

"Шрам. Что это я слышу о том, что ты ставишь под сомнение Круг Жизни прямо на глазах у моих подданных и моего собственного сына?"

Несмотря на то, что на лице Шрама промелькнуло раздражение. Это не было частью какого-то его плана, а просто пустой разговор с парой львиц после хорошей трапезы под звездами.

Он был в одном из своих редких хороших настроений, но даже в этом случае ему не следовало думать, что он может ослабить бдительность без последствий.

"Муфаса. Только не говори мне, что капитану Львиной гвардии больше не позволено обсуждать философию со своими сородичами?"

Брат уставился на него со слишком знакомым неодобрительным хмурым взглядом, явно пытаясь разгадать скрытые мотивы несуществующей схемы.

"Шрам, ты не можешь сказать мне, что не понимаешь того, что даже моему сыну уже объяснили. Круг Жизни - это то, что связывает всех живых существ в королевстве и управляет каждым аспектом нашей жизни. Без него мы просто... животные".

Шрам почувствовал, как его губы растягиваются в ленивой ухмылке.

"Благородное чувство, исходящее от того, кто находится на самом верху пищевой цепочки. Скажи мне: тебе когда-нибудь удавалось убедить в этом антилопу, пока ты ее ел?", - спросил он.

"Ха, никогда не считал тебя вегетарианцем", - сказал Зазу и подскочил к Шраму так близко, как только осмелился, а затем сделал несколько торопливых шагов назад, почувствовав его дыхание.

"Травоядные - не самые яркие звезды животного царства, знаешь ли, - травяная диета вряд ли способствует постоянному производству белка", - он поднял клюв и принял. "Я имею в виду, вы когда-нибудь пробовали вести содержательную беседу с зеброй?"

"Признаюсь, такие разговоры довольно быстро переходят в крик", - сказал Шрам с легкой улыбкой.

Муфаса испустил многострадальный вздох.

"Шрам, когда мы умираем, наши тела поглощают растения и насекомые, как и любых других существ. Даже мы, львы, не так уж сильно отличаемся от них - при всем том, что ты хотел бы, чтобы мы были такими".

"Хм, да", - сказал Шрам. "Это немного печально, не так ли? Но ведь антилоп тоже едят черви, их выслеживают и до смерти раздирают хищные львы. Мне кажется, что они по-прежнему остаются в проигрыше".

Внутри Шрама медленно нарастал гнев, как всегда, когда заходила речь об этом. Однако это был не пылкий дух юного детеныша, который ярко горит, но также быстро угасает. Это были тлеющие угли, оставшиеся после бесчисленных костров, ждущие малейшего разжигания, чтобы вновь разгореться в поистине ужасающее пламя.

"А еще есть гиены", - продолжил он. "Они не травоядные, но все равно вынуждены питаться объедками на слоновьем кладбище. Неудачная ситуация".

"Гиены?", - у Зазу был такой вид, будто он только что проглотил таракана - хотя на самом деле ему бы это, наверное, очень понравилось. "Ты пустил этих слюнявых, мохнатых, костлявых падальщиков в наше королевство? У них нет ни культуры, ни образования, ни способности к сдержанности. Они просто едят нашу пищу, размножатся сверх всякой меры, и, что еще хуже, стоимость моего гнезда из-за их присутствия упадет до небес".

Шрам пожал своими костлявыми плечами.

"О, я не ставлю под сомнение наше природное превосходство, Зазу. Просто... мне кажется, что использование небесной сансары убийств и мучений в качестве оправдания нашего деспотичного режима, да еще и названного Кругом Жизни, выглядит как-то нелепо", - он усмехнулся без тени юмора. "А мы не думали назвать его вместо этого Кругом Смерти? Это будет куда более вызывающе".

Муфаса нахмурился, услышав его слова.

"Шрам, смерть - такая же часть жизни, как и рождение, и, по сути, жизнь здесь не отличается от той, что была до твоего рождения. Я думал, ты давно отбросил этот детский страх".

"Ах, да, я помню этот разговор", - его ярость достигла того предела, когда она перестала быть просто частью его самого, а превратилась в гнойную черноту, поглотившую всю его сущность.